

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ...

СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ

1

Был яркий летний день, то есть настолько яркий, что даже я, привыкший к жаре и свету, щурил глаза от боли в своем родном Сухуми. Именно в такой день я увидел Александра Фадеева. И он поразил меня: он тоже излучал свет. Лучились его глаза, лучилось его лицо. Он был в косоворотке, улыбался и громко смеялся, нет! — хохотал.

Так познакомился я с Фадеевым в 1936 году. Потом он выступал перед абхазскими писателями, а еще через несколько дней явился к нам домой.

Как раз накануне приехал мой младший брат Володя с молодой женой, и отец устроил небольшую пирушку на абхазский манер.

Фадеев, разумеется, знал отца по книгам, знал многих абхазских литераторов, весело рассказывал о Москве и москвичах. А незадолго перед тем я был в Москве (первый раз в жизни), где познакомился с молодыми литераторами и журналистами. Я, естественно, с глубоким интересом слушал Фадеева. Он, насколько я понял, не был доволен положением дел в Союзе писателей («много суетни и славословия»...), «нестерпимое количество собраний», «плохо обстоит дело с руководством журналами»...).

Текущую литературу, жизнь писателей и писательских организаций он знал великолепно. Цитировал хорошие стихи, ругал плохие и много смеялся. А

4

меня договор с «Советским писателем».

— Собираются их издавать?

— Даже определился редактор.

— Кто же? — поинтересовался Симонов.

— Юрий Либединский.

— Это серьезно, — произнес он, и слово «серьезно» прозвучало из-за небольшой картавости, как «судзно». И он продолжал: — Добренько. Я хочу почитать эти рассказы. У вас имеется лишний экземпляр?

— Да, конечно.

— Значит, договорились. А что еще? Было такое ощущение, что Симонов чувствует наличие чего-то более «серьезного», чем рассказы.

— Вот повесть закончил...

Тут он насторожился:

— Повесть? О чем? Как называется? У нее уже есть заглавие? Потому что с названием у меня частенько происходит сбой: вещь написана, а название надо придумывать.

— «Весна в Сакене». Есть такое село — Сакен.

— А что там происходит?

— Разное. А если определить погазетному — людям хочется жить лучше, хочется хороших урожаев.

Симонов рассматривал меня, как видно, что-то прикидывая:

— И когда ее можно прочитать? — спросил он.

2

за столом пел казацкие песни, и затылок при этом делался у него багрово-красным...

Отец сказал:

— А я думал, что вы коренной москвич...

— Нет, Дмитрий Иосифович, я москвич по долгу...

После войны, говоря об этих днях в Сухуми, Фадеев писал мне: «С особенным чувством я вспоминаю вашего отца. Я так и вижу его во главе Вашего большого семейного стола, вечно молодого и страстного в своих убеждениях, каким я видел его в тот памятный вечер, когда праздновался приезд Вашего брата из института с молодой женой».

Мы с Фадеевым нередко встречались. И каждый раз он спрашивал, что нового в абхазской литературе. Спрашивал: как этот, как тот, и как себя чувствует патриарх литературы абхазской?..

Однажды за дружеской беседой ска- зал, вдруг посерьезнев:

— Можно выступать и болтать сколько угодно, можно даже кувиркаться на трибуне, но главное в литературе то, что написано пером и напечатано...

Это было после очередного писательского пленума, проходившего очень бурно, причем при его активном участии.

3

Правда, год от году Фадеев улыбался все меньше, казалось, что-то важное, потаенное заботит его. Но вдруг, в иные моменты, он обеими руками отбрасывал назад волосы, и передо мной возникал тот же Фадеев, что и в летний сухумский день 1936 года...

★

Перехожу к наиболее важной встрече с одним из москвичей, сыгравшим в моей жизни переломную роль. Я говорю о Константине Симонове.

С ним мы познакомились в Сухуми. В январе 1948 года. Он был черноволос, в полной физической силе и славе. Остановился он в гостинице «Абхазия». С ним была его пожилая секретарша, милейшая Муза Николаевна.

В номер к нему затащил меня фотокорреспондент «Правды» Семен Коротков. Он, что называется, с ходу щелкнул фотоаппаратом и запечатлел нашу первую встречу. После обычных, приличествующих этому случаю фраз Симонов спросил:

— А что вы делаете?

— Пишу очерки для газет и рассказы.

Он был редактором «Нового мира» и одновременно секретарем Союза писателей. При слове «рассказы» он кинул на меня пыливый взгляд.

— Рассказы? — спросил он.

— Да, — сказал я, — небольшие, у

5

— Машинистка сегодня допечатывает последние страницы.

— А сколько их всего? Примерно...

— Может, полтора. Плюс минус десять, — пошутил я.

— Добренько. Уговариваемся: сегодня вечером вы мне ее забрасываете...

— Да, Константин Михайлович, — ответил за меня Коротков.

А на следующее утро...

Утром, часов в девять, раздался звонок по телефону:

— Это от Константина Михайловича. Здравствуй! Я — Муза Николаевна. Константин Михайлович хочет позавтракать с вами. В ресторане «Рица». Это рядом с «Абхазией».

— Знаю.

— Он очень просит.

— Когда?

— Через час. Можете?

— Наверное.

— Я вам советую прийти, — со значением произнесла Муза Николаевна. Короче говоря, за завтраком было решено, что вместе едем в Москву, возьмем повесть, а там — дело покажет само. (Оказывается, Симонов ночью прочитал рукопись).

Это было в январе, а в мае «Весна в Сакене» была напечатана в «Новом мире».

В 1950 году Симонов был назначен главным редактором «Литературной газеты». При первой же встрече с ним в

6

его новом качестве предложил мне войти в состав редакционной коллегии и переехать в Москву.

Так сделался я москвичом...

С той поры, как говорится, много воды утекло. Полжизни прожил я в Москве, как ее, то есть половину жизни, в свое время определил Данте, — тридцать пять лет. Другая половина принадлежит Абхазии. Но где бы я ни был — в Москве или Абхазии, — я всегда думаю в Москве об Абхазии, а в Абхазии — о Москве.

В Москве живу и работаю все эти годы в «Литературной газете» и параллельно задумываю и пишу свои книги. В этом неocenима помощь и редакции, и Союза писателей СССР.

Немало поездил я по миру. Видел разные столицы разных государств. Но нет для меня улиц краше и светлее Песчаных, где находится моя квартира. Я рассказал всего лишь о двух встречах с москвичами, и то очень кратко. А встреч на самом деле было тысячи и тысячи. Вот и судите теперь, что есть для меня Москва. В свое время я написал повесть, которую озаглавил «Добрый город». Она о Москве. Мне приходилось много писать о ней все эти годы, еще больше — говорить.

Я слишком много должен Москве. Хватит ли дней моей жизни, чтобы оплатить хотя бы часть этого долга?